

DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.3>

УДК 332.1(470+571):330.34

ББК 65.049(2Рос)–211

СТРАТЕГИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ

Олег Васильевич Иншаков

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
директор НИИ социально-экономического развития региона
при Волгоградском государственном университете
president@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В контексте содержательного анализа проекта Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. обоснована необходимость и определены направления коррекции концептуальных основ стратегического планирования регионального развития в России.

На основе критического осмысления в русле эволюционной экономической теории результатов передовых исследований по разработке методологических основ формирования региональных стратегий разного уровня и масштаба, общероссийских систем оценок регионального развития и опыта его стратегирования в прогрессивных регионах РФ предложена производная структурно-логическая модель построения Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области на период до 2030 г. (ССЭР ВО – 2030), вытекающая из модели оборота условий экономического роста в экономике знаний.

Предлагаемая модель составлена исходя из концептуального посыла AV Region Galaxy Model, содержательно переработанной в соответствии с новой факторной интерпретацией производственной функции эндогенного экономического роста С. Ребело. Посредством указанной модели проведена последовательная декомпозиция процесса формирования ССЭР ВО – 2030 с выделением ее ядра и сфер, включающих экономические зоны, межотраслевые комплексы, отрасли, кластеры и фирмы.

Это позволяет получить более полное представление о резервах и лимитах факторов роста экономики региона, их актуальном состоянии и наличии на внутренних и внешних рынках, их притоке и оттоке, создает информацию о логике и диспропорциях их взаимодействия и должно найти отражение в документальном и реальном воплощении ССЭР ВО – 2030 в жизнь, обеспечивая ее релевантность и системность.

Ключевые слова: стратегирование, стратегическое планирование, стратегия, пространственное развитие, социально-экономическое развитие региона, пространственно-факторная модель стратегии.

Обеспечение конкурентоспособного, устойчивого и безопасного развития экономики РФ обуславливает необходимость уточнения и уни-

фикации концептуальных подходов, применяемых в стратегическом планировании пространственного развития России в условиях глобализации.

© Иншаков О.В., 2018

**Направления коррекции
концептуальных основ
стратегического планирования
регионального развития в России**

Принятие Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», утверждение Президентом РФ «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», а также начавшаяся в марте 2016 г. разработка Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. [12] отчетливо отразили рост осознания стратегической значимости этих проблем на государственном уровне. Основные положения Концепции Стратегии получили одобрение большинства членов Межведомственной рабочей группы, за прошедший период времени Концепция прошла через ряд экспертных обсуждений в рамках тематических и территориальных подгрупп на площадках Министерства экономического развития, а также публичных мероприятий, по результатам которых производились ее редакции.

По официальной информации Минэкономразвития, в марте 2018 г. ожидается внесение Стратегии пространственного развития России на утверждение в Правительство РФ. Поскольку исчерпывающее представление о результатах проведенной коррекции отдельных положений Концепции Стратегии у научной общественности не сформировано, представляется полезным в методологическом, теоретическом и практическом аспектах обратить внимание на следующие ее содержательные моменты, которые должны получить адекватное отражение в итоговой версии этого стратегического документа:

1. В проекте Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. недостаточную концептуальную реализацию получило новое видение экономического пространства как трехмерного и эволюционирующего не только горизонтально. Пространство экономической системы РФ недостаточно рассматривается как пространство отношений между хозяйственными субъектами, что подтверждает доминирование географического подхода. Когда социально-экономическое пространство РФ анализируется только в горизонтальном аспекте (как площадь), в характеристике макроэкономической системы теряется вертикальное измерение, которое отражает разные уровни организации и функционирования

хозяйства. Это особенно касается уровня развития институции и организации производства, распределения, обмена и потребления. В этом случае теряются многие характеристики в объяснении «уплотнения» экономического пространства РФ.

2. В Концепции Стратегии не преодолено спорное представление о «размещении производительных сил» на территории страны, которое унаследовано от централизованной модели экономики, основанной на общенародной (государственной на деле) собственности на ресурсы и факторы производства. Это не соответствует теории и практике рыночной экономики, даже если учитывать большую роль государства в начальном периоде ее развития. Следовало бы рассматривать аллокацию ресурсов, запасов, процессов, продуктов и хозяйственных единиц. Производительные силы действуют только в самом процессе производства. Размещают только ресурсы и запасы, а силы действуют и взаимодействуют.

3. В характеристике глобальных вызовов отмечается «завершение очередного цикла развития мировой экономики и переход к новому технологическому укладу, основанному на массовом применении инноваций в производственных процессах и в сфере услуг» [12, с. 5]. Однако официальной датой начала глобального перехода к новому технологическому укладу (и сопровождающей его NBIC-конвергенции) можно считать 2000 г., когда Конгрессом США были приняты решения о масштабной государственной организационной и финансовой поддержке развития нанотехнологий. За 17 прошедших лет новый уклад прошел первую фазу развития, и частный капитал стал превалировать в нем над государственными инвестициями, в него включилось уже около половины стран мира. В РФ процесс начался с опозданием на 7 лет. Инновации сами по себе не характеризуют особый технологический уклад, его определяет содержание инноваций. Конкретные инновации, получающие статус технологий общего применения, рожают конкретный технологический уклад, который, в свою очередь, рождает новый социально-экономический уклад жизни людей. Так было с огнем, водяным колесом, паровым двигателем, нефтью и газом, электричеством, двигателем внутреннего сгорания, авиацией, компьютерами и т. д.

4. Во внешних и внутренних вызовах социально-экономическому развитию России не отмечено устойчивое и масштабное переселение на территорию нашей страны народов из стран Цен-

тральной Азии и Китая, сформировавшееся на основе маятниковой миграции предыдущих лет, что ведет к изменению качественного состава трудовых ресурсов, форм и уровня занятости; не отражен этноэкономический и религиозный фактор, сильно влияющий на переселение людей, структуру аллокации и дислокации капиталов; не показан процесс мощного оттока перспективного и высококвалифицированного человеческого капитала из провинций и столиц регионов Юга, Сибири, Поволжья в благополучные регионы Центра и Северо-Запада, в столицы и особенно за рубеж.

5. Очевидные внутренние вызовы крепости и целостности социально-экономического пространства РФ в Концепции Стратегии в целом отмечены [12, с. 6–10], хотя причины возникновения и усиления этих вызовов не раскрыты полностью и «осмотрительно» сглажены. Причиной усиления диспропорций стало не «уплотнение», а пренебрежение соблюдением пространственных пропорций экономики РФ, отсутствие системы регуляторов (стимулов, нормативов, ограничений, правил и т. п.) сбалансированности распределения ресурсов в столь масштабной национальной экономике, а также целенаправленное стягивание из регионов и чрезмерная концентрация финансовых и иных лучших ресурсов в столицах. Очевидно, что в экономической политике (не только с институциональной точки зрения) нет достаточного видения ори-

ентиров целостности, разнообразия и масштаба, уровня развития и комплементарности разных регионов страны. Стягивание всех форм капитала в центр характеризует наличие неуверенности в принятии мер и обоснованности программ и стратегий экономического развития.

6. Для получения адекватной и точной характеристики качественного состояния экономического пространства макрорзон России, очевидно, недостаточно проводить традиционный сравнительный анализ основных показателей экономического развития регионов и даже их удельного веса (долей) [12, с. 14–16]. Целесообразно провести анализ экономики макрорзон по системе матрицы и показать не только доли макрорзон в основных показателях по строкам таблицы, но и провести деривативный анализ в относительных показателях, рассчитав соотношение показателей строк в каждом столбце – определить отношение долей макрорзон по показателям основных фондов, ВРП, объема отгруженных товаров, продукции, инвестиций и пр. к площади макрзоны, численности ее населения, занятых в экономике и т. п. Затем следует сравнить полученные относительные характеристики плотности, активности, оснащенности и другие характеристики экономического пространства между макрозонами (см., например, показатели макрорзон, выделенные жирным шрифтом, в таблице ниже).

Таблица

Отношение долей макрорзон по основным показателям развития экономики РФ за 2014 г., (%) внутри кластера показателей макрзоны

Отношение долей макрорзон РФ по показателям	Центр и Северо-Запад России	Европейский Север	Юг России	Урало-Поволжье	Сибирь	Дальний Восток
Численность населения / Площадь территории	6,58	0,37	4,92	3,25	0,41	0,17
Среднегодовая численность занятых в экономике / Численность населения	1,05	1,06	0,8	1,02	1,03	1,14
Основные фонды в экономике / Площадь территории	6,92	0,39	3,94	3,31	0,42	0,13
Основные фонды в экономике / Среднегодовая численность занятых в экономике	1,09	1,47	0,65	0,72	1,36	1,31
ВРП / Площадь территории	8,42	0,39	2,5	2,55	0,5	0,14
ВРП / Среднегодовая численность занятых в экономике	1,22	1,0	0,63	0,77	1,2	1,08
ВРП / Основные фонды в экономике	1,11	0,68	0,97	1,07	0,89	0,82
ВРП / Численность населения	1,28	1,06	0,51	0,79	1,24	1,24
Добыча полезных ископаемых / Площадь территории	3,0	0,65	0,58	1,88	1,26	0,37
Добыча полезных ископаемых / Среднегодовая численность занятых в экономике	0,43	1,65	0,15	0,57	2,99	2,83
Товары собственных обрабатывающих производств / Площадь территории	9,02	0,35	2,0	3,58	0,36	0,05
Товары собственных обрабатывающих производств / Среднегодовая численность занятых в экономике	1,3	0,88	0,51	1,08	0,86	0,35

Примечание. Рассчитано автором по: [12, с. 14, 16].

Отношение долей макрзон РФ по показателям	Центр и Северо-Запад России	Европейский Север	Юг России	Урало-Поволжье	Сибирь	Дальний Восток
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды / Площадь территории	7,58	0,46	2,53	3,05	0,48	0,15
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды / Среднегодовая численность занятых	1,09	1,18	0,64	0,92	1,15	1,17
Продукция сельского хозяйства / Площадь территории	5,8	0,15	6,72	3,44	0,37	0,09
Продукция сельского хозяйства / Численность населения	0,88	0,41	1,37	1,06	0,91	0,81
Инвестиции в основной капитал / Площадь территории	6,3	0,45	3,75	2,72	0,59	0,17
Инвестиции в основной капитал / Численность населения	0,96	1,22	0,76	0,84	1,47	1,43
Инвестиции в основной капитал / Среднегодовая численность занятых в экономике	0,91	1,15	0,95	0,82	1,43	1,25
Объем инновационных товаров / Площадь территории	7,42	0,37	1,03	4,55	0,15	0,36
Объем инновационных товаров / Численность населения	1,13	1,0	0,21	1,4	0,38	3,12
Объем инновационных товаров / Среднегодовая численность занятых в экономике	1,07	0,94	0,26	1,38	0,37	2,73
Поступление налогов / Площадь территории	7,38	0,32	1,53	2,37	0,81	0,12
Поступление налогов / Численность населения	1,12	0,87	0,31	0,73	1,99	1,05
Поступление налогов / Среднегодовая численность занятых в экономике	1,07	0,82	0,39	0,72	1,92	0,92
Эксплуатационная длина ж.-д. путей / Площадь территории	7,38	0,32	1,53	2,37	0,81	0,12
Эксплуатационная длина ж.-д. путей / Численность населения	1,12	0,87	0,31	0,73	1,99	1,05
Эксплуатационная длина ж.-д. путей / Среднегодовая численность занятых в экономике	1,07	0,82	0,39	0,72	1,92	0,92
Протяженность автодорог с твердым покрытием / Площадь территории	5,46	0,53	4,44	3,32	0,51	0,15
Протяженность автодорог с твердым покрытием / Численность населения	0,83	1,44	0,9	1,02	1,25	1,31
Протяженность автодорог с твердым покрытием / Среднегодовая численность занятых в экономике	0,79	1,35	1,13	1,0	1,22	1,14
Общий запас древесины / Площадь территории	1,38	1,21	0,28	1,26	1,21	0,69
Общий запас древесины / Численность населения	0,21	3,25	0,06	0,39	2,98	5,9
Общий запас древесины / Среднегодовая численность занятых в экономике	0,2	3,06	0,07	0,38	2,89	5,17
Площадь сельхозугодий / Площадь территории	3,38	0,15	5,55	3,76	0,72	0,1
Площадь сельхозугодий / Численность населения	0,51	0,4	1,13	1,16	1,76	0,86
Площадь сельхозугодий / Среднегодовая численность занятых в экономике	0,49	0,38	1,41	1,14	1,71	0,75
Производство электроэнергии / Площадь территории	5,58	0,52	2,28	3,04	0,78	0,13
Производство электроэнергии / Численность населения	0,85	1,41	0,46	0,93	1,92	1,12
Производство электроэнергии / Среднегодовая численность занятых в экономике	0,81	1,32	0,58	0,92	1,86	0,98

Результаты такого сравнения позволяют сделать многие новые выводы, посмотреть на диспропорции пространственного развития под новым углом зрения и верифицировать положения Концепции.

7. Кластеризацию экономики целесообразно рассматривать как актуальное направление экономической политики не только для промышленности, но и для всех сфер экономики. Кластеризацию следует развивать в соответствии с назначением, масштабом, родом и видом кластеров на локальном, региональном, макрорегиональном, национальном, междуна-

ональном и глобальном уровнях в традиционном и инновационном аспектах в сочетании с задачами развития внутренних и внешних рынков [12, с. 103]. Развитие только инновационных территориальных кластеров (ИТК) не дает достаточного эффекта для повышения уровня интеграции экономического пространства РФ и ее регионов. Целесообразно также установить количественные и качественные критерии уровня специализации и самообеспеченности регионов, чтобы не прийти к суженному воспроизводству и к превышению зависимости между регионами.

8. В Концепции Стратегии завышено значение корпораций развития макрорегионов (либо проектных администраций) [12, с. 110], создание которых якобы будет способствовать повышению эффективности за счет сочетания преимуществ централизованного и децентрализованного подходов к принятию решений; появления более сильных стимулов к успешной реализации проектов межрегионального взаимодействия у субъектов управления; формирования механизма рефинансирования реализации крупных межрегиональных проектов, позволяющих использовать поступления от реализации инвестиционных проектов первой очереди для осуществления инвестиционных проектов второй и последующих очередей.

Создание новых институтов и органов пространственного развития в регионах скорее увеличит непроизводительный управленческий аппарат. Эти функции должны выполнять уже имеющиеся органы исполнительной власти государства в регионах. Макрорегионы не совпадают по смыслу и границам с макрозонами. В федеральных округах неполно реализуется социально-экономическая политика, на этом уровне административного устройства нет для этого централизованных целевых средств. В то же время в Концепции слабо отражена роль гражданского общества и предпринимательского сообщества в формировании и реализации стратегии пространственного развития РФ.

9. В механизме реализации Стратегии пространственного развития важно сочетание среднесрочных программ (3–6 лет) с планами их реализации (1–2 года), содержащими перечни наиболее важных социально значимых мероприятий и контрольных событий в разной степени подробности и конкретизации центров и органов ответственности [12, с. 111]. Планы реализации стратегии должны приниматься и меняться по мере достижения целей программ, они не могут составляться без ежегодного мониторинга реализации стратегии и оценки достоверности и актуальности ее результатов.

Формирование актуальной модели стратегии социально-экономического развития региона

I. Структурно-логическая модель Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области – 2030 (ССЭР ВО – 2030).

Изучение, критическое осмысление и творческое развитие в русле эволюционной экономи-

ческой теории результатов передовых исследований по разработке методологических основ региональных стратегий разного уровня и масштаба [1; 14; 15; 29–32; 35; 36; и др.], а также общероссийских систем оценок регионального развития [6–8; 10; 11; 18–27] и опыта его стратегирования в прогрессивных регионах РФ (Республика Татарстан, Самарская и Томская области, Краснодарский край и др.) позволили сформировать производную структурно-логическую модель построения Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области – 2030 (ССЭР ВО – 2030). Такая модель непосредственно вытекает из модели (1) оборота условий экономического роста в экономике знаний, представленной на рисунке 1.

Модель (1) позволяет определить резервы и ущербы прошлого и будущего развития, реально оценить наличие и качество факторов роста, увидеть разницу между разнообразными общими условиями (C), ресурсами, доступными на внутренних и внешних рынках (R), запасами различных фирм (St) и реально действующими факторами их производственной деятельности (F), создающими их продукты (Q) / доходы (Y) как части общего ВРП и ВРД и основы благополучия региона в настоящем и будущем.

Предлагаемая модель (2) ССЭР ВО – 2030 по сферам ее конкретизации (рис. 2) составлена исходя из концептуального посыла модели AV Region Galaxy [1; 35], содержательно переработанной в соответствии с новой факторной интерпретацией производственной функции эндогенного экономического роста С. Ребело [38]: $Q = AK_t = A(H, T, M, Ins, O, Inf)_t$.

Посредством модели (2) проведена последовательная декомпозиция процесса формирования ССЭР ВО – 2030 с выделением ее ядра и сфер (A, B, C, D и E), включающих экономические зоны, межотраслевые комплексы, отрасли, кластеры и фирмы. Она позволяет получить более полное представление о резервах и лимитах факторов роста, их актуальном состоянии и наличии на внутренних и внешних рынках, их притоке и оттоке, создает информацию о логике и диспропорциях в их взаимодействии. Все это должно найти отражение в документальном и реальном воплощении ССЭР ВО – 2030 в жизнь, обеспечивая ее релевантность и системность.

Ядро отражает ССЭР ВО – 2030 как **однозначно сформулированную и регулярно**

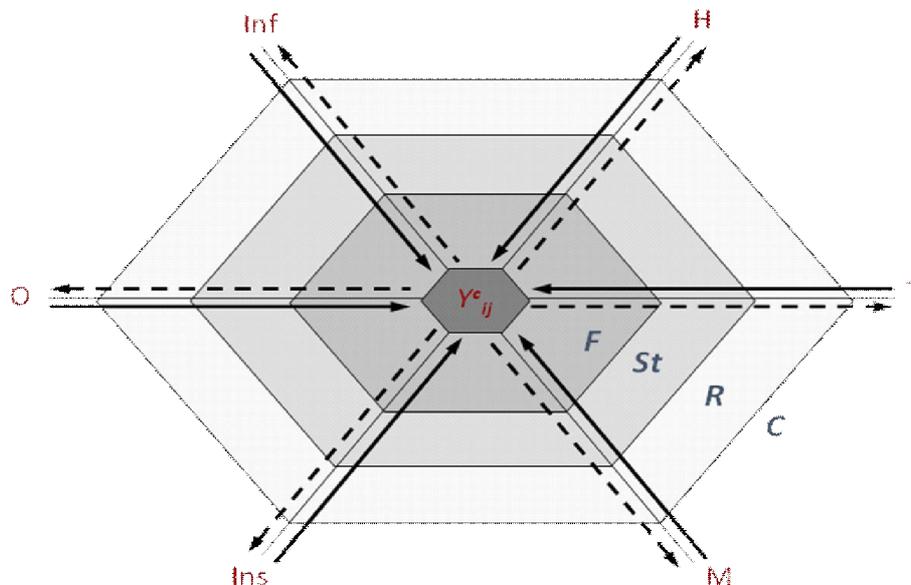

Рис. 1. Модель (1) прямой и обратной трансформации и транзакции условий в ресурсы, запасы и факторы производства продукта (дохода) – $Y_{ij}^c \rightarrow \max$

Примечание. Составлено автором.

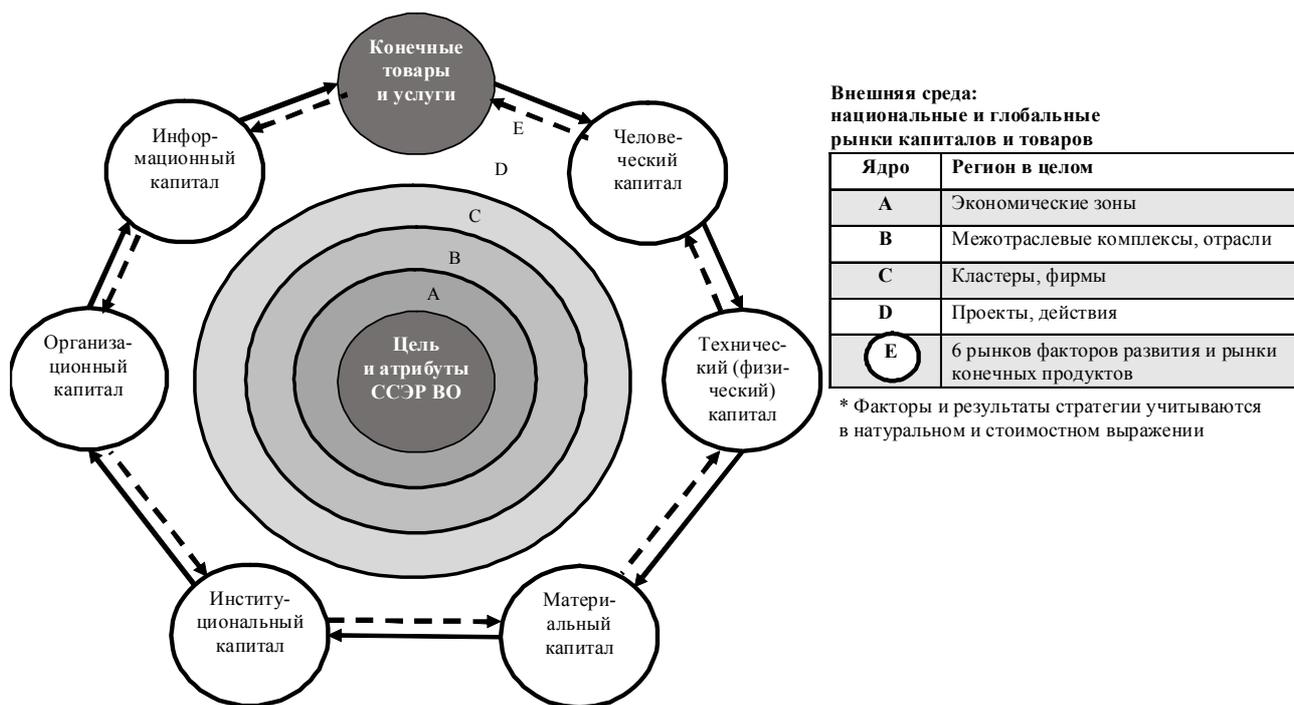

Рис. 2. Общая пространственно-факторная модель (2) формирования ССЭР ВО – 2030

Примечание. Составлено автором.

корректируемую систему действий по достижению целевого состояния в конкретном пространстве и времени, ограниченную реальными императивами и выраженную в социально согласованных приоритетах, имеющую внешние и внутренние ориентиры и определенные горизонты (этапы реализации), а также привлекаемые источники и рациональные каналы средств его развития.

Формирование стратегии региона на долгосрочный период (12–15 лет) с видением конечного результата (представленного в матричной форме) осуществляется, исходя из применения системы обновляющихся долгосрочного и среднесрочных прогнозов в рамках времени реализации ССЭР ВО – 2030 (как основа формирования программ, планов, проектов и действий уполномоченных субъектов, органов и центров ответственности).

Для определения исходных данных стратегии важно оценить абсолютное и относительное положение региона в РФ. Так, в 2016 г. ВРП Волгоградской области составил 743 283,7 млн руб., или 1,07 % от суммарного ВРП РФ. Динамика ВРП в период 2009–2016 гг. была положительной, но нестабильной. Это подтверждают цепные темпы роста ВРП области (1,15; 1,17; 1,12; 1,06; 1,18; 1,04; 1,003), а также динамика показателей его удельного веса в суммарном ВРП РФ (1,18 %; 1,15 %; 1,12 %; 1,14 %; 1,12 %; 1,01 %; 1,12 %; 1,07 %).

Однако область постепенно повышает свою конкурентоспособность в РФ по индексу конкурентоспособности регионов (RCI) со следующими суммарными баллами профильного рейтинга, составленного экспертами Леонтьевского центра – AV Group: в 2013 г. – 2,11; в 2014 г. – 2,26; в 2015 г. – 2,23; в 2016 г. – 2,33. Это нашло отражение в росте ее ранга в указанном рейтинге: в 2013 г. – 29; в 2014 г. – 27; в 2015 г. – 26; в 2016 г. – 23 [8, с. 15; 28; 32, с. 16].

Структуру экономики Волгоградской области нельзя признать стратегически прогрессивной, учитывая сокращение в 2015 и 2016 гг. доли обрабатывающей промышленности в производстве ВРП до 24,8 %, или 80,8 % от уровня 2014 г. (30,7 %), когда этот показатель впервые превысил его докризисное значение (30,6 % в 2008 г.), а также заниженную долю инновационной и социальной инфраструктуры [2; 33], отражающих дефицит условий и ресурсов формирования и способа реализации человеческого капитала.

Анализ потенциала экономики и общества в Волгоградской области и определение путей его развития возможны на основе оценки условий, ресурсов, запасов и факторов производства в разрезе экономических зон, отраслей и по региону в целом. Для этого целесообразно оценить и определить векторы развития человеческого, технического (физического), материального (природного), институционального, организационного и информационного экзогенных и эндогенных факторов производства в форме условий, рыночных ресурсов и капитала. На основе этого анализа можно определить императивы и приоритеты, резервы и векторы стратегического развития по сферам и видам деятельности, а также по конкретным объектам и местам их аллокации. Приоритетов социально-экономического развития региона может быть не более 12–15.

Очевидно, решение задачи прироста ВРП лежит в плоскости модернизации и реструктуризации развития факторов его производства и ре-

ализации, расширения видов и роста масштабов (объемов) деятельности с высоким уровнем создаваемой добавленной стоимости. Стратегическая цель и вектор развития – формирование эффективной цепочки создания добавленной стоимости в производстве прогрессивных конечных продуктов на основе привлечения отечественных и зарубежных инвестиций, производства высокотехнологичных, ориентированных на замещение импорта и расширение экспорта, товаров и оказания качественных услуг.

Главным критерием успешности стратегического развития в соответствии с ФЗ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, должен быть интегральный показатель пропорциональности роста конкурентоспособности, устойчивости и безопасности (КУБ) социально-экономической системы региона.

Раздельные оценки рейтингов (конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности, качества жизни, благополучия семей, безопасности и пр.), применяющиеся на современном этапе в РФ, несомненно полезны, поскольку дают дополнительную информацию о некоторых процессах и частичную интерпретацию регионального развития. Однако они не дают необходимой обобщенной оценки, отвечающей идее и полной реализации 172-ФЗ. Введение такого интегрального показателя будет не только стратегической инновацией, но и важным практическим ориентиром социально-экономической политики. С учетом этого необходимо построить матрицу приоритетов, императивов, угроз и рисков региона (см. рис. 3).

Сфера А – Экономические зоны – формирование стратегии исходно предполагает определение типа региона в составе основных экономических зон РФ.

В соответствии с Концепцией Стратегии пространственного развития РФ и последними достижениями в теории уровневой структуризации глобальной экономической системы в ССЭР ВО – 2030 должны быть зафиксированы следующие основные положения пространственного развития:

– приоритеты совершенствования системы расселения на территории региона и механизмы стимулирования расселения в соответствии с приоритетными направлениями совершенствования системы расселения в РФ;

	Приоритеты	Императивы
Потенциал	П-П – часть ССЭР ВО по вектору конкурентоспособности, включая мероприятия или программы использования «сильных сторон» региона для максимизации охвата и вовлечения каждого из его ресурсов в эффективное использование	И-П – часть ССЭР ВО по вектору инновационности, включая мероприятия и программы для улучшения, изменения или преодоления «слабых сторон» региона
Риски	П-Р – часть ССЭР ВО по вектору устойчивости, включая мероприятия рационально использования «сильных сторон» региона для предотвращения внутренних и внешних угроз	И-Р – часть ССЭР ВО по вектору безопасности, включая мероприятия, направленные на улучшение и преодоление «слабых сторон» региона для минимизации рисков

Рис. 3. Матрица приоритетов, императивов, угроз и рисков региона в ССЭР ВО – 2030

Примечание. Составлено автором.

– направления изменения структуры экономики региона в соответствии с приоритетами РФ;

– перспективные конкурентные преимущества и экономическая специализация региона в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающие принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития;

– прогноз (оценка) потребности региона в трудовых ресурсах с учетом перспективной экономической специализации и прогнозов социально-экономического развития;

– прогноз (оценка) потребности в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации региона;

– определение потенциальных территорий опережающего развития (ТОР), основанное на комплексной оценке и анализе условий и потенциала пространственного развития региона в РФ;

– вариант возможного размещения компонентов национальных технологических платформ в регионе;

– направления участия региона в интеграции РФ в единое евразийское и мировое экономическое пространство;

– роль региона в составе макрорегиона РФ;

– учет отнесения городов региона и его в целом к определенным типам в РФ.

Следующий аспект сферы А отражает актуальное состояние и векторы трансформации территориального зонирования внутри региона, включая возникновение ТОР, полюсов роста, точек генерации роста, коридоров коммуникаций, потоков товаров и капиталов.

Принцип зонального и / или комплексного развития предполагает специальную фокусировку социально-экономических ресурсов в терри-

ториально-отраслевых экономических зонах в разрезе значимых межотраслевых комплексов или их кластерах, а также последующее распространение инновационной активности в другие локусы региона.

Целесообразно выделение региональных зон генерации роста (ЗОР), обеспечивающих притяжение и концентрацию всех форм капитала на локальном уровне, генерирующих за счет развития производства и инфраструктуры существенное по силе и значимое по масштабу социально-экономическое воздействие на прогресс региона в целом.

Выделение ЗОР на основе сбалансированного социально-экономического потенциала формирует принцип «сфокусированного» индустриального производства и продвижения на рынки новых товаров и услуг, отвечающих задачам диверсификации экономики региона, замещения импорта и расширения экспорта.

Региональную ЗОР характеризует: целевая концентрация в них финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов; объем производства товаров и услуг, обеспечивающий значительную долю самообеспечения и / или экспорта за границы региона; темпы роста основных экономических показателей выше средних величин по региону, интенсивный тип экономического роста и ускорение предпринимательской активности; ускорение темпов инновационного развития; объем прямых частных и государственных инвестиций (в том числе иностранных) в основной капитал выше среднего показателя по региону.

Условия возникновения ЗОР в регионе целесообразно рассматривать с позиции: а) экономического пространства и аллокации ресурсов – на пересечении торговых путей и потоков продвижения товаров, в местах концентрации природных и человеческих ресурсов; б) накопленного челове-

ческого и «связанных» видов капитала – в местах концентрации применимых в производстве знаний и активных инноваций; в) целевого проектирования точки роста – она может быть спроектирована на основе древних торговых путей, героического прошлого столицы региона.

Среди основных характеристик ЗОР региона важно выделять следующие:

а) качественные: удобное геоэкономическое положение региона (глобальная или мегаэкономическая доступность), рациональная транспортно-логистическая развязка, общая безопасность, природно-климатические условия;

б) количественные: высокий уровень основных экономических показателей региона; значимая динамика их изменения (темпов роста / снижения); высокий уровень концентрации необходимых видов инфраструктуры; высокий уровень плотности населения; расположение одной или нескольких городских агломераций с населением более 100 тыс. человек.

Территориальное экономическое зонирование должно отражаться в Стратегии в соответствии с атрибутами ее ядра; целесообразно показать связь региональных зон между собой, их особенности, преимущества и позиционирование в регионе.

Сфера В – Межотраслевые комплексы (МОК) региона / Роды деятельности (отрасли) – раскрывает содержание стратегического развития на уровне его ключевых направлений, сформированных на базе МОК, их блоков и видов деятельности (отраслей).

Подход в сфере В отличается от применяемого в сфере А, наполняя конкретной отраслевой деятельностью и межотраслевым взаимодействием выделенные ранее экономические зоны и общий тип региона. Это позволяет оценить соответствие масштаба, объема, динамики и эффективности реальных хозяйственных процессов профилю выделенных экономических зон.

Данная сфера включает стратегии развития в разрезе МОК как ключевых направлений развития экономики и социальной сферы: производственных (оборонно-промышленный, агропромышленный, промышленный, строительный и др.) комплексов; обеспечивающих (торгово-развлекательный, информации и телекоммуникаций, инфраструктурный, научно-образовательный, инновационно-внедренческий, социальной поддержки и помощи) комплексов.

Для каждого МОК и его сегментов необходимо определить свои приоритеты и императи-

вы, а также другие атрибуты стратегического развития. Например, в овощеводческом сегменте АПК уровень товарности обоснованно высок: только треть выращенных овощей реализуется в регионе, полностью удовлетворяя потребность населения и учреждений социальной сферы Волгоградской области, остальная часть – за пределами региона.

Однако тот факт, что сельскохозяйственное сырье с волгоградских полей поступает на перерабатывающие предприятия г. Санкт-Петербурга, Москвы, Калининграда, Белгорода, Владимира, Краснодар, Ставрополя, Астрахани, говорит о том, что уровень развития агропромышленной интеграции в регионе низок, переработка незначительна, инвестиции недостаточны, потенциал роста рабочих мест в этом сегменте высок, но не используется. Это не только сдерживает укрепление села, но и стало фактором его дальнейшего опустошения, старения, локального обезценения и оттока человеческого капитала. Регион не может быть только «всероссийским огородом», что грозит закреплением отсталости при сложившемся технологическом уровне производства конечных товаров с малой долей добавленной стоимости, без перехода к предложению рынкам прогрессивных товарных комплексов. Подобные процессы назрели и в других сегментах товаров АПК (зерновой, мясной, молочный и другие субкомплексы).

Индекс промышленного производства в РФ по итогам 2016 г. составил 101,1 % (вырос на 4,5 процентных пункта по сравнению с 2015 г.), а в Волгоградской области он достиг 103,2 % (рост на 2,1 процентных пункта к предыдущему году) [9; 17]. По этому показателю Волгоградская область находилась на 45-м месте (в 2014 г. – 54-е) среди 85 регионов РФ, опередив г. Москву (102,7). Это стало результатом начавшейся модернизации и активизации промышленной политики региона, что наблюдается на современном этапе.

Стратегически МОК должны быть детализированы до уровня субкомплексов и родов деятельности, или отраслей, что позволяет более содержательно определить стратегию их развития.

Управление развитием каждого направления (МОК и его частей) обеспечивается соответствующими консолидированными органами исполнительной власти региона – межведомственными комиссиями.

Сфера С – Кластеры / Фирмы – межотраслевые устойчивые группы самостоятельных предприятий (фирм), нацеленные на производство

общего конечного товара (услуги), компактно локализованные в соответствии со своим масштабом и назначением.

Кластеры формируются в рамках МОК и между фирмами разных МОК, что отличает реализуемый в сфере С подход к осуществлению Стратегии от проводимого в сфере В.

Так, в Волгоградской области стратегически важно создание 6 инновационных научно-образовательных кластеров (ИНОК) на базе двух опорных университетов, двух профильных университетов, двух академий высшего образования, профильных техникумов и колледжей – промышленно-технологического, социально-экономического, медико-фармацевтического, аграрного, правоохранительного и физкультурно-спортивного профиля. Это позволит эффективнее осуществлять подготовку специалистов, проведение научных исследований и внедрение их результатов в практику региона.

Кластерный подход предполагает реализацию целевой группой фирм взаимозависимых мер и проектов по эффективному привлечению ресурсов и использованию факторов производства, за счет устойчивости и гарантированности связей, минимизации издержек при достаточном качестве взаимно поставляемых товаров и услуг, в результате чего достигается экономический и социальный синергетический эффект развития всех форм факторных капиталов и качества жизни на территории функционирования и влияния кластера.

Реализация ССЭР ВО – 2030 предполагает осуществление новой экономической политики – многоуровневой кластеризации, направленной на повышение конкурентоспособности региона и экономический рост посредством новых форм рыночной организации взаимодействия фирм в производстве и продвижении конечных товаров новых поколений.

В этой сфере для региона особенно важна государственная поддержка формирования инновационных территориальных кластеров (ИТК) национального и глобального значения для замещения импорта, расширения экспорта, диверсификации производства на основе внедрения высоких технологий и продвижения новых товаров на внутренний и внешний рынки РФ. Такая поддержка (по конкурсам Минэкономразвития РФ в 2013–2017 гг.) в регионе пока отсутствует.

Значительным резервом развития региона могут стать процессы образования кластеров в муниципальных образованиях регионального и

локального значения, позволяющих разрабатывать и перерабатывать местные ресурсы промышленного назначения и аграрное сырье. Особенно важны такие кластеры для финансовой устойчивости и обеспеченности сельских муниципальных образований, создания новых рабочих мест, закрепления и привлечения человеческого капитала на селе.

Необходимо построение многоуровневой сети кластеров, связанных с транзакционной инфраструктурой и сетью логистических центров с целью повышения доли добавленной стоимости в ВРП, рационализации сырьевой ориентации экономики, расширения масштабов модернизации на основе механизмов вертикальной межотраслевой интеграции, межхозяйственной кооперации и государственно-частного партнерства. Целесообразно формирование сетевой модели региональной кластеризации, отражающей функциональные и родовые связи между кластерами и их выходы на национальные и глобальные рынки (потоки товаров с учетом их мощности и интенсивности).

Ключевая роль в кластерной активизации отводится бизнесу, его способности сформулировать и реализовать собственные перспективные конкурентоспособные стратегии развития. Важнейшим направлением в реализации кластерной политики является государственная (организационная, информационная, институциональная и финансовая) поддержка бизнеса, особенно МСП.

Управление развитием каждого кластера обеспечивается соответствующими профильными органами исполнительной власти региона. Возможен также специализированный кластер с функционалом разработки проектов, консалтинга, ориентации и продвижения инициатив фирм региона по формированию кластеров разного уровня, масштаба, рода и вида деятельности, а также получения различных форм поддержки от государства и частного сектора.

Сфера D – Проекты / Действия – включает целевые группы и процессы стратегического планирования и управления, структурированные по направлениям развития, на уровне конкретных проектов с системами действий по их реализации.

Раздел включает конкретные проекты и действия заинтересованных «связанных групп» и центров ответственности органов государственного управления в регионе и стране, обеспечивающие реализацию поставленных экономических и социальных целей.

Сфера Е – Экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние) факторы производства / Рынки и инвестиции.

Эта сфера включает 6 рынков инвестиционных товаров (факторов производства) и рынок конечных потребительских товаров, которые создают и наполняют региональные и внешние рынки, отражая признание созданной полезности и стоимости ВРП и создавая валовой региональный доход (ВРД). Данная сфера обеспечивает уровень конкурентоспособности региона за счет эндогенных факторов роста производства (человеческий капитал, институты, природно-ресурсный капитал, информационный и технологический капитал, реальный капитал, финансовый капитал) и реализации конечных товаров (услуг).

Авторитетной консалтинговой компанией AV Group была проведена комплексная оценка конкурентоспособности региона по рынкам факторов производства в 2015 г. [8] с соответствующими баллами оценки и местами в рейтинге и тенденциями в среднем за 3 предшествующие года (жирным шрифтом отмечены места в рейтинге направлений ниже общего по региону):

– рынки (товары и объем экономики) – 1,80 балла и 23-е место, наблюдается тенденция роста, обусловленная приростом ВРП за последние 3 года и отношением объема экспорта к ВРП;

– институты (государственные, частные и общественные) – 2,80 балла и 25-е место, наблюдаются позитивные тенденции роста уставного капитала и финансового результата организаций, прироста ВРП к накопленным безвозмездным поступлениям бюджета, значительный рост объемов федеральной поддержки;

– человеческий капитал – 2,08 балла и 41-е место, по производительности труда область занимает 34–35-е место в ТОП-40 регионов РФ, наблюдаются негативные тенденции ухудшения инфраструктурных условий жизни; снижение роли науки, качества образования и уровня культуры;

– инновации и информация – 1,64 балла и 35-е место, наблюдается незначительная тенденция преодоления предыдущего значительного падения;

– природные ресурсы – 2,95 балла и 19-е место, наблюдается тенденция небольшой неустойчивости данного параметра;

– инвестиции и финансовый капитал – 2,36 балла и 31-е место, наблюдается тенденция повышения объема и эффективности инвестиций;

– пространство и реальный капитал – 2,12 балла и 34-е место, наблюдалась тенденция

снижения качества, старения и объема реального капитала, транспортной и коммунальной инфраструктуры, рост тарифов на энергию.

Волгоградская область вошла в ТОП-40 лучших регионов РФ по индексу конкурентоспособности по версии AV RCI-2013 – AV RCI-2015 при изменениях в общей оценке +0,12 балла; +3 ранга сравнительно с 2014 г. и по ключевым направлениям конкуренции, повлиявшим на начало общего роста: рынки товаров и услуг [+0,32; +7]; институты управления и предпринимательства [+0,28; +6]; инвестиции, финансовый капитал, бюджет [+0,16; +3].

При общем позитивном продвижении конкурентоспособности региона следует обратить внимание на отставание по 4 направлениям из 7 – человеческому, реальному и финансовому капиталу, инновациям и информации.

– **Человеческий капитал (H):** В проводимых в РФ исследованиях и составляемых рейтингах к человеческому фактору относят самые разнообразные показатели. Среди них: население, производительность труда, жилищные условия, здоровье, экология; социальные услуги, образование, доходы и занятость, безопасность. Такие подходы отражают недостаточное понимание сути данного фактора и человеческого капитала, который формируется затратами домашних хозяйств, государства, частных фирм и общественных организаций на создание в конкретном работнике требуемых рынку труда компетенций, реализация которых может принести прибавочную стоимость.

В Докладе о человеческом развитии в РФ 2017 г., содержащем данные за 2015 г., Волгоградская область по значению индекса человеческого развития (ИЧР) – 0,854 разделила 38–39-е место с Калужской областью, значительно ухудшив позицию 2014 г. (28–29-е место), да и 2013 г. (33–35-е место). Для сравнения, значение ИЧР региона в 2014 г. было 0,857; 2013 г. – 0,842; 2012 г. – 0,843; 2011 г. – 0,830; 2010 г. – 0,822. Значение ИЧР области было ниже среднероссийского показателя 2015 г. – 0,875 [5, с. 272, 275–279, 281]. При этом по индексу образования регион занял лишь 72-е место со значением 0,926 (2014 г. – 0,913; 2013 г. – 0,918; 2012 г. – 0,896; 2011 г. – 0,906; 2010 г. – 0,893). Следовательно, развитие системы образования в регионе требует особого внимания уже давно. Выход на стратегию создания опорных университетов, реструктуризацию учреждений среднего профессионального образования, их

модернизацию и значительную поддержку со стороны региональных органов исполнительной власти особенно актуален.

В то же время по индексу долголетия у Волгоградской области 22-е место при значении 0,783 в 2015 г. (2014 г. – 0,777; 2013 г. – 0,774; 2012 – 0,758; 2011 г. – 0,742; 2010 г. – 0,731). Позиция региона по образованию значительно хуже позиции по продолжительности жизни, и это негативно влияет на переход к социально-экономическому развитию на инновационной основе.

По индексу дохода у региона 54-е место, при значении в 2015 г. – 0,853; это хуже значения 2014 г. на 0,027. Тем не менее положительная динамика этого показателя в 2010–2014 гг. (2014 г. – 0,880; 2013 г. – 0,851; 2012 г. – 0,834; 2011 г. – 0,829; 2010 г. – 0,772) позволяет надеяться, что выход на критический уровень материальной базы для обеспечения расширенного воспроизводства человеческого капитала в регионе не произойдет. «Суженое» воспроизводство человеческого капитала ведет к его дефициту, что тормозит развитие производства на основе новых технологий, провоцирует его отток в другие регионы страны и за ее рубежи.

– **Природные ресурсы (М)** обычно оцениваются в показателях количества, структуры и качества земельных, водных, ископаемых, лесных, культурных, архитектурных и иных ресурсов, которые можно использовать в качестве сырья и материалов в производстве товаров и услуг, а также объектов культурных и познавательных интересов.

Среди других российских регионов в 2016 г. область по объему выбросов в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных и передвижных источников на единицу площади населенных пунктов занимала 42-е место; по доле населения, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, в общей численности населения – 37-е; по оценке климата – 9-е; по затратам на охрану атмосферного воздуха на единицу выбросов – 2-е [25, с. 38].

Современные рейтинги оценивают только экологические условия жизни населения региона. Однако этого явно недостаточно для ССЭР ВО – 2030. Необходимо оценивать обеспеченность сырьем на душу населения и на единицу мощности перерабатывающих предприятий при достигнутом уровне производительности труда. Такие показатели разработаны и применимы.

– **Техника и технологии (Т):** Для оценки данного фактора обычно используются различ-

ные статические и динамические показатели (объем, масштаб, возраст, структура, отдача и др.). Стратегически важно оценить состояние, тенденции изменения и эффективность основных и материальных оборотных фондов, применяемых технологий (методов и алгоритмов), инноваций в производстве и предприятиях обеспечивающих комплексов (коммунальная, транспортная, энергетическая инфраструктура и др.).

В российском «Рейтинге инновационных регионов России: версия 2016» Волгоградская область заняла 51-е место со значением индекса инновационного развития – 0,33 (86,1 % от среднего значения по регионам России), попав в результате в самую многочисленную группу (28 регионов РФ) «средне-слабых инноваторов». Место региона в подрейтинге «Научные исследования и разработки» – 33-е, в подрейтинге «Инновационная деятельность» – 47-е, а в подрейтинге «Инновационная активность региона» – 65-е [21, с. 12–15, 24–29].

Более оптимистично ситуация по региону выглядит в последнем опубликованном «Рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации» НИУ ВШЭ [20, с. 146–147]. В указанном рейтинге Волгоградская область в 2015 г. по значению сводного инновационного индекса (0,334) находилась на 39-й позиции, ухудшив свою позицию на 7 пунктов по сравнению с 2014 г. (0,363).

Все это говорит о стратегической необходимости укрепления связи науки, образования и производства, а также о назревшей активизации деятельности всех участников региональной инновационной системы в применении действующих инструментов поддержки инновационной деятельности.

В рамках решения сложившихся проблем с конкурентоспособностью отечественной экономики развитие новых технологий, проведение научных исследований, внедрение новаций происходят в каждом российском регионе, хотя и недостаточно равномерно. Высокие места в рейтинге большинства регионов обусловлены двумя факторами: во-первых, наличием опорных и научно-исследовательских университетов разного профиля – НИИ, НИЦ, ЦКП, КБ, ТП, НПО, которые обеспечивают разработку базы инноваций в технологическом и социально-экономическом развитии; во-вторых, наличием в регионах исторически сложившегося пула высокотехнологичных предприятий ОПК с функционированием ОЭЗ, ТОР, новых кластеров, которые станут платформой внедрения теоретических изысканий

на практике. Это следует учесть при разработке ССЭР ВО – 2030 при программировании формирования и укрепления стратегических позиций области в инновационном развитии.

– **Институты (Ins):** Институциональный фактор включает наличие и применение норм, правил, соглашений, контрактов, процедур, алгоритмов и т. п. в деятельности фирм. Его цена определяется способностью увеличивать добавленную стоимость в конечном товаре, а эффективность – долей в добавочной стоимости единицы товара.

Оценка институтов региональной экономики производится на основе известных рейтингов (Doing Business, Forbes, Индекс ОПОРЫ и др.), оценивающих наличие необходимых для благоприятного предпринимательства и инвестиций климата, сложность и длительность процедур открытия, закрытия и регулирования бизнеса; «проверочное» давление и налоговую нагрузку; процедуры и возможности поддержки с федерального уровня; организацию предпринимательства и др.

Интересный анализ в институциональном аспекте предложил Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [16], в котором на начало 2016 г. Волгоградская область заняла 63-е место в РФ и попала в IV группу с оценками: регуляторной среды – В; институтов для бизнеса – Е; инфраструктуры и ресурсов – С; поддержки малого предпринимательства – Е. Это заставляет обратить особое внимание на тормозящее воздействие институциональных механизмов [34; 37] на развитие региона и выяснить приоритеты его преодоления.

Сформировать представление о том, насколько в восприятии бизнеса велика роль региональных властей, позволяет информация Аналитического центра при Правительстве РФ [4, с. 154]. При оценке представителями бизнеса степени влияния различных органов власти на конкурентную среду в регионе только 19,6 % охарактеризовали роль ФАС России как «скорее важную» или «очень важную», роль бизнес-омбудсмена определили таким образом лишь 4,8 % респондентов, региональных деловых ассоциаций – 12,2 %, федеральных деловых ассоциаций – 14,2 %, Роспотребнадзора – 23 %, но наибольшее значение с точки зрения респондентов имеет губернатор: его роль как «скорее важную» или «очень важную» оценили 31,9 % опрошенных. Это подтверждает значимость органов исполнительной власти в формировании благоприятной среды развития в регионе.

В Волгоградской области не вполне благоприятным признано регулирование условий формирования и развития предпринимательства, поскольку она попала только во вторую группу (В) по данному направлению оценки. Низко оценены (пятая группа – Е) институты для функционирования и развития предпринимательства в регионе.

Неустойчиво развитие в регионе такого институционального механизма, как государственно-частное партнерство (ГЧП). В общероссийском рейтинге по развитию ГЧП в 2013–2014 гг. Волгоградская область заняла 30-е место (40,5 %) [22, с. 4], а в рейтинге 2014–2015 гг. сумела подняться на 19-е место с оценкой 33,9 % [11, с. 22]. Однако в рейтинге 2016–2017 гг. область не смогла сохранить позиции и занимала уже 37-е место среди регионов РФ с общей оценкой 42,0 % [10, с. 26–29]. Причинами ухудшения позиции области в рейтинге можно считать недостаточное развитие институциональной среды и нормативно-правовой базы ГЧП. Действительно, место данного субъекта РФ по фактору «Опыт реализации проектов» в рейтинге 2016–2017 гг. – 24-е; место по фактору «Нормативно-правовая база» – 46-е; место по фактору «Институциональная среда» – 48-е. Развитие ГЧП в регионе в целом осуществляется позитивно в сфере городской коммунальной и транспортной инфраструктуры, однако механизмы его реализации (особенно в институциональном и нормативно-правовом аспектах) требуют дополнительного развития и настройки на основе баланса интересов компаний и населения, которое должно осознать его справедливость в условиях рыночной экономики.

Благоприятность институциональной среды и инвестиционного климата сильно зависит от финансовых институтов и условий, поэтому их оценка для определения направлений совершенствования стратегически необходима.

Стратегически целесообразно использовать и учесть показатели развития институтов в определении инвестиционной привлекательности региона (стабильность норм и правил, надежность соглашений и контрактов, уровень коррупции, административные гарантии и барьеры и пр.).

– **Организации (O):** уровень и рост образования предприятий на душу населения; количества зарегистрированных, активных, устойчивых и нормативно доходных предприятий; доля инновационных, устойчиво работающих и состоящих в кластерах предприятий: рациональность структуры предприятий – соотношение малых,

средних и крупных; доля самостоятельных предприятий, не входящих в вертикально-интегрированные компании; доля предприятий, работающих на экспорт, уровень капитализации компаний; средний капитал фирмы.

Место Волгоградской области среди регионов РФ по обороту малых и микропредприятий и индивидуальных предпринимателей в расчете на одного жителя – 66-е; по суммарному обороту малых, микропредприятий и индивидуальных предпринимателей – 24-е; по объему инвестиций в основной капитал малых и микропредприятий в расчете на одного жителя – 41-е; по суммарному объему инвестиций в основной капитал малых и микропредприятий – 23-е; по доле занятых в малом бизнесе и индивидуальном предпринимательстве в общей численности экономически активного населения – 68-е [3; 13].

Это отражает значительное отставание организационного фактора региона в сфере МСП по 60 % показателей. Данный вывод имеет большое значение в плане определения необходимых корректирующих мер, поскольку организационный фактор влияет на инвестиционную привлекательность (организационная рациональность, надежность алгоритмов действий и принятия решений, правомочность и компетентность партнеров и контрагентов).

– **Информация (Inf):** информация и связь; информационная открытость и надежность, релевантность информации.

Необходимо продолжить создание профильных порталов для МОК, отраслей и кластеров в масштабах региона и с выходом за его пределы. Примером такого продвижения может служить созданный в 2016 г. региональный Internet-ресурс «База импортозамещения Волгоградской области». Целью ресурса является установление связей между потребителями и производителями, которые могут представить высококачественную продукцию.

– **Товары и рынки (Q):** достаточность объема, адекватность и прогрессивность структуры товаров и услуг актуальному и перспективному спросу, задачам самообеспечения, замещения импорта и расширения экспорта; емкость и структура внутреннего и внешнего рынка в стоимостном и натуральном выражении, наличие и доля товаров и услуг новых генераций.

– **Финансовый капитал, инвестиции (Inv):** инвестиционная привлекательность (финансовые условия); инвестиционная эффективность; рейтинги кредитоспособности; финансовая система региона; региональный бюджет.

Адаптация Волгоградской области к новым экономическим реалиям и восстановление в ней инвестиционной активности, основанное на замещении импорта и девальвации рубля, займет, как минимум, еще 2 года. Волгоградская область в рейтинге регионов РФ по инвестиционному климату [7] по-прежнему находится в группе «Пониженный потенциал – умеренный риск» (3В1). За период 1996–2017 гг. область находилась в этой группе регионов в 2002 и 2008 гг. и затем постоянно – с 2010 г. по настоящее время, то есть 45,5 % рассматриваемого периода. Однако не следует забывать, что в 1998–2001, 2003–2007 и 2009 гг. (то есть также 45,5 % временного периода 1996–2017 гг.) область была в группе «Средний потенциал – умеренный риск» (2В), а в 1996, 1997 гг. региону удавалось сохранять позиции в группе «Средний потенциал – минимальный риск» (2А).

Отмеченные выше позитивные изменения позиции области в рейтинге конкурентоспособности регионов РФ (с 29-го места – в 2013 г. до 23-го – в 2016 г.) связаны в значительной степени с положительной динамикой регионального инвестиционного компонента рейтинга конкурентоспособности. По версии AV Group [8] регион вошел в группу лучших в РФ по изменению в 2013–2015 гг. инвестиционного компонента рейтинга конкурентоспособности по следующим составляющим: инвестиции в основной капитал и эффективность инвестиций. Однако этот позитивный тренд был нарушен в 2016 г., когда объем инвестиций в основной капитал (181 495 млн руб.) в регионе составил 90,7 % от уровня 2015 г. и 99,3 % – от 2014 года. Этот вывод подтверждает и понижающая динамика значений индекса физического объема инвестиций в основной капитал в 2014–2016 гг. – 125,4 %; 99,1 %; 90,9 % соответственно [17, с. 592, 596].

В рейтинге инвестиционных рисков регион значительно улучшил свою позицию в 2017 г. (42-е место), поднявшись на 10 позиций по сравнению с 2016 г. (52-е; 54-е – 2015 г.; 58-е – 2014 г.) [6; 7; 18; 19]. Средневзвешенный индекс риска составил 0,235 (для сравнения, у Ростовской области – 0,187, у Республики Адыгея – 0,231), причем наблюдается снижение его значения (-0,06 относительно 2014 г.). Ранги составляющих инвестиционного риска региона в 2017 г. были следующие: социальный – 40, экономический – 55, финансовый – 40, криминальный – 35, экологический – 40, управленческий – 58. Из 6 составляющих инвестиционного риска по 4 отмечается

улучшение позиций региона по сравнению с 2015 г. (в котором относительно предыдущего года ранги 5 из 6 составляющих, кроме управленческого риска, были хуже или оставались такими же), особенно заметное по управленческому (+18), криминальному (+19) и экономическому (+9) рискам. Снижение наблюдалось по финансовому (-7) и экологическому (-3) рискам.

Доля Волгоградской области в общероссийском инвестиционном потенциале 2017 г. – 1,080 %; изменение доли региона в потенциале РФ к 2016 г. составило -0,046 процентных пункта; ранги составляющих инвестиционного потенциала: трудовой – 17, потребительский – 20, производственный – 24, финансовый – 26, институциональный – 20, инновационный – 35, инфраструктурный – 51, природно-ресурсный – 34, туристический – 36. Анализ динамики рангов перечисленных составляющих инвестиционного потенциала региона в 2014–2017 гг. показал, что хуже всего дело обстоит с динамикой инфраструктурной (снижение на 6 позиций в 2017 г. к 2014 г.) и инновационной (снижение на 7 позиций в 2017 г. к 2015 г.) составляющих. В итоге ранг инвестиционного потенциала Волгоградской области ухудшился на 3 пункта – до 27-го места (24-е – в 2016; 23-е – в 2015 и 2014 гг.).

В инвестиционной сфере в ССЭР ВО – 2030 важно иметь матрицу политики минимизации рисков региона (рис. 4).

II. Цель стратегии – повышение качества жизни населения региона.

Позиции Волгоградской области в рейтингах качества жизни в российских регионах за 2014–2016 гг. могут быть охарактеризованы как нестабильные. В 2015 г. область стала лидером по росту показателей рейтинга качества жизни населения [24], поднявшись на 13 пунктов (31-е место)

по сравнению с 2014 г. (44-е) и общим рейтинговым баллом 45,97. При этом в Волгоградской области к началу 2015 г. по сравнению с итогами 2013 г. наблюдалось улучшение по большинству групп показателей. Относительно регионов ЮФО Волгоградская область переместилась с 4-го места в 2014 г. на 2-е место в рейтинге 2015 г., после Краснодарского края и Ростовской области. Однако рейтинг 2016 г. [26] вновь показал заметное ухудшение позиции региона, потерявшего 9 пунктов в рейтинге и занявшего только 40-е место (44,8 балла) среди 85 регионов РФ, опустившись уже на 5-е место среди регионов ЮФО. При этом и Краснодарский край, и Ростовская область сохранили свои высокие позиции в рейтинге (5-е и 18-е места соответственно). В рейтинге 2017 г. области удалось подняться на 1 позицию выше (39-е место) с общим баллом 45,97; но в ЮФО позиции региона не изменились [25].

Несмотря на определенный прогресс в рассматриваемой сфере, в регионе существует ряд проблем, которые оказывают негативное влияние на качество жизни. Регион пока заметно отстает от средних значений по РФ по целому ряду показателей качества жизни (уровень доходов населения, образование, демографическая ситуация, занятость, обеспеченность объектами торговли и досуга, транспортная инфраструктура, здравоохранение).

Волгоградская область несколько улучшила положение в рейтинге регионов РФ по благосостоянию семей [23], поднявшись с 57-го места (2015 г.) на 55-е в 2016 г., почти вернув позиции 2014 г. (54-е место). Остаток денежных средств семьи после минимальных расходов в месяц в 2016 г. в семье с двумя детьми составил 14 053 руб. (11 362 руб. – в 2015 г.), а в семье с одним ребенком – 23 103 руб. (20 230 руб. – в

	Приоритеты	Императивы
Потенциал	П-П – уклонение от риска, отказ от ненадежных партнеров, отказ от рискованных проектов, страхование хозяйственных рисков, поиск гарантов. ВРП ↑; →	И-П – распределение риска за счет диверсификации видов деятельности, логистики, инвестиций, распределения ответственности участников, действий во времени. ВРП →; ↓
Риски	П-Р – компенсация риска, внедрение стратегического планирования, формирование механизма прогнозирования среды, мониторинга социально-экономического развития и правовой базы, резервов, активного целевого маркетинга. ВРП →; ↑	И-Р – локализация риска, необходимость выявления узких мест, выделения и формирования центров ответственности для контроля и снижения уровня финального риска. ВРП ↓; ←

Рис. 4. Матрица политики минимизации рисков региона в ССЭР ВО – 2030

Примечание. Составлено автором.

2015 г.). Рост значений этих показателей является, безусловно, позитивной тенденцией. Тем не менее по первому показателю область входит в число 15 субъектов РФ, в которых у среднестатистической семьи с двумя детьми остается от 10 до 15 тыс. руб., что практически исключает покупку дорогостоящих потребительских товаров. Количество регионов, в которых у семьи из двух работающих родителей и двоих детей-иждивенцев остается менее 10 тыс. руб., менялось: в 2011 г. – 29; в 2012 г. – 10, в 2013 г. – 7, в 2014 г. – 6, в 2015 г. вновь выросло до 26, в 2016 г. – сократилось до 18.

На фоне нестабильной экономической ситуации качество жизни в регионе в современных условиях существенно не изменится в лучшую сторону. Однако следует обратить внимание на потенциальные резервы, невостребованные ресурсы и растущие риски. Условия регионального развития в ближайшей перспективе не меняются, сильные и экономически развитые регионы с большим человеческим и техническим капиталом по-прежнему будут задавать тон, притягивать инвестиции, расширять состав организаций и пользоваться лучшими институтами, а дотационные регионы со слабым человеческим, технологическим и институциональным капиталом не смогут расширить свои организации и рынки, привлечь инвестиции, улучшить окружающую природную и социальную среду.

III. Общие характеристики внутренней и внешней среды региона.

Внутренняя среда функционирования Волгоградской области характеризуется недостаточным платежеспособным спросом на капиталы (факторы) и товары экономики региона, что выражается в слабом росте (иногда даже остановке или падении) объемов реализации товаров (вещей и услуг) и оттоке из региона всех видов капиталов (человеческого, материального, финансового, организационного, информационного и др.). Внешняя среда Волгоградской области характеризуется, напротив, принятым (приобретенным и оплаченным) предложением и растущим спросом на капитальные и товарные ресурсы, не востребованные в сфере производства в регионе.

Поскольку регион пока не был вовлечен в осуществление мегапроектов с государственными инвестициями, а реализация проектов с финансированием из федеральных источников по возведению объектов для проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г. осуществляется в экономном варианте, важнейшим фактором

развития и включения региона в глобальный оборот товаров и услуг может стать строительство международных транспортных коридоров и терминалов, соединяющих Каспийское море через реки Волгу и Дон (и связывающий их канал) с Азово-Черноморским бассейном с выходом в Средиземное море и Атлантический океан. Это значительно повысит геоэкономическое значение и расширит стратегические возможности развития Волгоградской области. Целесообразно также в Стратегии учесть имеющиеся у региона перспективы и существующие разработки по развитию автомобильных и авиамеждународных транспортных коридоров.

Повышение значения и развитие функционирования региона в РФ должно характеризоваться в ССЭР ВО – 2030 объемом и балансом, ростом и приростом прямых и обратных потоков товаров и капиталов через его границы. Достижение положительного баланса товаров и отрицательного баланса капиталов при устойчивом росте этого соотношения – интегральный показатель развития региона.

IV. Основные типы индикаторов, которые целесообразно применить при разработке ССЭР ВО – 2030.

Для расчета этапных и конечных значений индикаторов реализации ССЭР ВО – 2030 целесообразно использовать: традиционные абсолютные индикаторы, средние за 5 лет, исключая влияние отдельных колебаний; прирост индикатора за 5 лет для сравнительной оценки динамики развития во времени и пространстве РФ; суммы индикаторов за 5 лет (для отдельных индикаторов, характеризуя суммарный результат); темпы роста / прироста индикатора за 5 лет для определения скорости и ускорения процессов развития; структурные индикаторы / доли, отражая процессы движения капитала, состав ВРП и источники ВРД; фактические нормы и нормативы на 1 жителя / занятого по доходам, услугам, объектам, срокам, процедурам и т. п.

Следует активно вводить показатели: а) результативности, эффективности и адаптивности; б) сравнительные с другими регионами и средними по РФ; в) рейтинговые – по каждому компоненту оценки относительно общего балла и места региона в РФ.

V. Связь форм стратегического подхода в развитии региона.

ССЭР ВО – 2030 должна основываться на системе прогнозов разного уровня и продолжительности, а также на накапливаемом опыте ре-

ализации своих целей и получения результатов на разных горизонтах и при изменении ориентиров. Существенной частью создания стратегии является схема территориального планирования, которая должна учитывать не только тенденции региона, но прямые и обратные связи стратегий, программ, планов и проектов на разных уровнях региональной социально-экономической системы (региона, муниципалитетов, корпораций, компаний, кластеров и отдельных предприятий, учреждений и организаций).

Для стратегической переориентации, устранения явных диспропорций (стоимости и количества) и повышения эффективности РЦП в рамках ССЭР ВО – 2030 целесообразно:

– провести реструктуризацию в соответствии с оценками состояния экономики и социальной среды в Волгоградской области относительно РФ по результатам мониторингов и оценкам рейтингов индексов конкурентоспособности, качества жизни населения, инвестиционного климата;

– модернизировать методику мониторинга и оценки стратегической адекватности РЦП, введя интегральный показатель их оценки с выделением в нем показателей результативности (R), бюджетной эффективности (E) и адаптивности к стратегическим целям развития региона (A);

– ввести в практику РЦП интегральный показатель оценки суммарного прироста результативности, эффективности и адаптивности региональных целевых программ: $\Delta I = K_1 \Delta R + K_2 \Delta E + K_3 \Delta A$;

– совершенствовать механизм программно-целевого управления посредством интеграции целевых индикаторов стратегического развития региона на долгосрочную перспективу;

– оптимизировать состав и структуру региональных целевых программ в соответствии с требованиями достижения конкурентоспособного, устойчивого и безопасного развития региона в рамках сроков стратегии.

ССЭР ВО – 2030 могла бы консолидировать общество вокруг устойчивого и системного развития региона, результатом которого должно стать повышение уровня благосостояния его населения. Инновационная и трудовая активность населения повысится, если она будет мотивироваться и поощряться.

Экономика и общество Волгоградской области должны быть мобилизованы на создание условий выхода в группу развитых регионов, вернуться по привлекательности инвестиций, понижению риску и эффективности капитала в группу А, как это было чуть более 20 лет назад.

Необходимы активный контакт органов власти с независимым экспертным гражданским сообществом, реальный контроль деятельности органов региональной власти, открытость достоверной информации о реализации ССЭР ВО – 2030 и обратная связь с гражданами региона, поскольку уровень благосостояния населения непосредственно зависит от успешной реализации экономической политики и справедливого распределения ее результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ конкурентной среды (оценка глобальной конкурентоспособности): методика рейтинга AV RCI. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://av-group.ru/wp-content/uploads/2016/03/AV_RCI_method.pdf. – Загл. с экрана.
2. Волгоградская область в цифрах, 2016 : краткий сб. – Волгоград : Волгоградстат, 2017. – 368 с.
3. Динамика макроэкономических показателей Волгоградской области в 2008–2013 годах : стат. обзор. – Волгоград : Волгоградстат, 2015. – 46 с.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год. Человеческое развитие в условиях экономической неустойчивости / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. – М. : Аналит. центр при Правительстве РФ, 2014. – 204 с.
5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Экологические приоритеты для России / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. – М.: Аналит. центр при Правительстве РФ, 2017. – 292 с.
6. Инвестиционная привлекательность регионов – 2014: бремя управления. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2014>. – Загл. с экрана.
7. Инвестиционный климат регионов – 2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2017>. – Загл. с экрана.
8. Индекс конкурентоспособности регионов – Полюсы роста России (AV RCI-2015). – СПб. : Консорциум Леонтьевский центр – AV GROUP, 2015. – 80 с.
9. Индекс промышленного производства по субъектам Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#. – Загл. с экрана.
10. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». – М. : Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. – 32 с.
11. Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП». – М. : Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. – 36 с.

12. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. : Проект. – М. : Минэкономразвития, 2016. – 111 с.
13. Краткая информация о развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области в 2013, 2014 годах. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://urp.volganet.ru/folder_4/folder_6/. – Загл. с экрана.
14. Модернизация экономики Юга России: проблемы, приоритеты, проекты / [отв. ред. О. В. Иншаков] ; Южный научный центр РАН. – М. : Наука, 2008. – 303 с.
15. Мосейко, В. О. Оценка конкурентоспособности регионов: методология, модели, инструменты / В. О. Мосейко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 89 с.
16. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Результаты-2015. – М. : Агентство стратегических инициатив, 2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.investinregions.ru/u/section_file/106/2015_ru.pdf. – Загл. с экрана.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017 : Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.
18. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2015 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2015>. – Загл. с экрана.
19. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2016 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2016>. – Загл. с экрана.
20. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5. – М. : НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.
21. Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016. – М. : Ассоциация инновационных регионов России, 2017. – 67 с.
22. Рейтинг регионов ГЧП-2014. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. – М. : Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2014. – 18 с.
23. Рейтинг регионов по благосостоянию российских семей по итогам 2016 года // РИА Рейтинг. – 15.05.2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.riarating.ru/regions/20170515/630062559.html>. – Загл. с экрана.
24. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2015. – М. : РИА Рейтинг, 2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf. – Загл. с экрана.
25. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. – М. : РИА Рейтинг, 2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf. – Загл. с экрана.
26. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2016 // РИА Новости. – 20.02.2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html>. – Загл. с экрана.
27. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2016 года. – М. : РИА Рейтинг, 2017. – 49 с.
28. Самые конкурентоспособные регионы России – Москва, Краснодарский край и Московская область // Экономика и жизнь. – 28.10.2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/news/328462/>. – Загл. с экрана.
29. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. акад. А. Г. Гранберга. – М. : Наука, 2004. – 720 с.
30. Стратегическое планирование в регионах и городах России: диалог в поисках согласованности : материалы XV Общероссийского форума лидеров стратегического планирования ; г. Санкт-Петербург, 24–25 окт. 2016 г. / под ред. Б. С. Жихаревича. – СПб. : Международный центр соц.-экон исследований «Леонтьевский центр», 2017. – 88 с.
31. Стратегическое планирование в регионах и городах России: пространство выбора и выбор пространства : Доклады участников XIV Общероссийского форума лидеров стратегического планирования ; г. Санкт-Петербург, 19–20 октября 2015 г. / под ред. Б. С. Жихаревича. – СПб. : Международный центр соц.-экон исследований «Леонтьевский центр», 2016. – 104 с.
32. Стратегия развития Краснодарского края. Презентация второго этапа: Стратегическая диагностика и доктрина развития. – Краснодар ; Санкт-Петербург : Консорциум Леонтьевский центр – AV GROUP, 2017. – 81 с.
33. Структура производства валового регионального продукта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/be490a0044b22ee8b536bfde4cdebd4/Структура_ВРП_070318.htm. – Загл. с экрана.
34. Acemoglu, D. Political Losers as a Barrier to Economic Development / D. Acemoglu, J. Robinson // *American Economic Review*. – 2000. – Vol. 90, № 2. – P. 126–130.
35. AV Strategy. Создание системы управления будущим – AV Region Galaxy Model. – Electronic text data. – Mode of access: <http://av-group.ru/av-strategy/>. – Title from screen.
36. Europe-2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. – Brussels : European Commission, 2010. – 37 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>. – Title from screen.
37. Glaeser, E. Do Institutions Cause Growth? / E. Glaeser, L. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer // *Journal of Economic Growth*. – 2004. – Vol. 9, № 3. – P. 271–303.
38. King, R. G. Public policy and economic growth: Developing neoclassical implications. Working Paper No. 3338 / R. G. King, S. Rebelo. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 1990. – 49 p.

REFERENCES

1. *Analiz konkurentnoj sredy (ocenka global'noj konkurentosposobnosti): metodika rejtinga AV RCI* [Competitive environment analysis (global competitiveness assessment): AV RCI rating method]. URL: http://av-group.ru/wp-content/uploads/2016/03/AV_RCI_method.pdf.
2. *Volgogradskaja oblast' v cifrah, 2016: kratkij sb.* [Volgograd region in figures. 2016: a brief collection] Volgograd, Volgogradstat Publ., 2017. 368 p.
3. *Dinamika makroekonomicheskikh pokazatelej Volgogradskoj oblasti v 2008-2013 godah: stat. obozr.* [Dynamics of macroeconomic indicators of the Volgograd region in 2008-2013: stat. overview]. Volgograd, Volgogradstat Publ., 2015. 46 p.
4. Grigoriev L.M., Bobylev S.N., eds. *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii za 2014 god. Chelovecheskoe razvitie v uslovijah jekonomicheskoj neustojchivosti* [Report on Human Development in the Russian Federation for 2014. Human development in conditions of economic instability]. Moscow, Analytical Center under the Government of the Russian Federation Publ., 2014. 204 p.
5. Grigoriev L.M., Bobylev S.N., eds. *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii. Jekologicheskie prioritety dlja Rossii* [Report on Human Development in the Russian Federation. Environmental priorities for Russia]. Moscow, Analytical Center under the Government of the Russian Federation Publ., 2017. 292 p.
6. *Investicionnaja privlekatel'nost' regionov – 2014: bremja upravlenija* [Investment attractiveness of regions – 2014: the burden of management]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2014>.
7. *Investicionnyj klimat regionov – 2017* [Investment climate of the regions – 2017]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2017>.
8. *Indeks konkurentosposobnosti regionov – Poljusy rosta Rossii (AV RCI-2015)* [The Regional Competitiveness Index – Russia's Growth Poles (AV RCI-2015)]. S.-Petersburg, Consortium Leontief Centre – AV Group Publ., 2015. 80 p.
9. *Indeks promyshlennogo proizvodstva po subyektam Rossijskoj Federacii* [The index of industrial production by subjects of the Russian Federation]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#.
10. *Issledovanie «Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii 2016–2017: tekushhee sostojanie i trendy, rejting regionov»* [The study “Public-Private Partnership in Russia 2016-2017: Current Status and Trends, Ranking of Regions”]. Moscow, PPP Development Center Publ., 2016. 32 p.
11. *Issledovanie «Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii v 2015–2016 godah. Rejting regionov po urovnju razvitija GChP»* [The study “Development of public-private partnership in Russia in 2015-2016. Ranking of regions by the level of PPP development”]. Moscow, PPP Development Center Publ., 2016. 36 p.
12. *Koncepcija Strategii prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030. Proekt* [Draft Concept of the Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030]. Moscow, Ministry of Economic Development of the Russian Federation Publ., 2016. 111 p.
13. *Kratkaja informacija o razvitii i podderzhke malogo i srednego predprinimatel'stva v Volgogradskoj oblasti v 2013, 2014 godah* [Brief information on the development and support of small and medium-sized businesses in the Volgograd region in 2013, 2014]. URL: http://urp.volganet.ru/folder_4/folder_6/.
14. *Modernizacija jekonomiki Juga Rossii: problemy, prioritety, proekty.* Otv. red. O.V. Inshakov; Juzhnyj nauchnyj centr RAN [Modernization of the economy of the South of Russia: problems, priorities, projects. Ed. O. V. Inshakov; Southern Scientific Center of RAS]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 303 p.
15. Moseyko V.O. *Ocenka konkurentosposobnosti regionov: metodologija, modeli, instrumenty* [Assessment of the competitiveness of regions: methodology, models, tools]. Volgograd, Volgograd state university Publ., 2013. 89 p.
16. *Nacional'nyj rejting sostojanija investicionnogo klimata v subyektah RF. Rezul'taty 2015* [The National rating of the investment climate in Subjects of the Russian Federation. Results 2015]. Moscow, Agency for Strategic Initiatives Publ., 2015. URL: https://www.investinregions.ru/u/section_file/106/2015_ru.pdf.
17. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: Stat. compend.]. Moscow, Rosstat Publ., 2017. 1402 p.
18. *Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov 2015 goda* [Ranking of investment attractiveness of regions 2015]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2015>.
19. *Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov 2016 goda* [Ranking of investment attractiveness of regions 2016]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2016>.
20. *Rejting innovacionnogo razvitija subyektov Rossijskoj Federacii. Vyp. 5* [Ranking of innovative development of Subjects of the Russian Federation. Release 5]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017. 260 p.
21. *Rejting innovacionnyh regionov Rossii: versija 2016* [Ranking of innovative regions of Russia: version 2016]. Moscow, Association of Innovative Regions of Russia Publ., 2017. 67 p.
22. *Rejting regionov GChP-2014. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v subyektah Rossijskoj Federacii* [Ranking of regions PPP-2014. Development of public-private partnership in Subjects of the Russian Federation]. Moscow, PPP Development Center Publ., 2014. 18 p.
23. *Rejting regionov po blagosostojaniju rossijskih semej po itogam 2016 goda* [Ranking of regions on the

welfare of Russian families by the end of 2016]. *RIA Ranking*, 05/15/2017. URL: <http://www.riarating.ru/regions/20170515/630062559.html>.

24. *Rejting regionov po kachestvu zhizni – 2015* [Ranking of Regions for Quality of Life 2015]. Moscow, RIA Rankng, 2016. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf.

25. *Rejting regionov RF po kachestvu zhizni – 2017* [Ranking of regions of the Russian Federation for quality of life – 2017]. Moscow, RIA Ranking Publ., 2018. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf.

26. Rejting Rossijskikh regionov po kachestvu zhizni – 2016 [Ranking of Russian regions for quality of life – 2016]. *RIA News*. 20.02.2017. URL: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html>.

27. *Rejting social'no-jekonomicheskogo polozhenija subyektov RF: itogi 2016 goda* [Ranking of the socio-economic situation of Subjects of the Russian Federation: results of 2016]. Moscow, RIA Ranking Publ., 2017. 49 p.

28. Samye konkurentosposobnye regiony Rossii – Moskva, Krasnodarskij kraj i Moskovskaja oblast' [The most competitive regions of Russia – Moscow, Krasnodar Region and Moscow Region]. *Ekonomika i zhizn'* [Economy and life], 28.10.2016. URL: <https://www.eg-online.ru/news/328462/>.

29. Granberg A.G., ed. *Strategii makroregionov Rossii: metodologicheskie podhody, priority i puti realizacii* [Strategies of Russian macroregions: methodological approaches, priorities and ways of implementation]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 720 p.

30. Zhikharevich B.S., ed. *Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii: dialog v poiskah soglasovannosti. Materialy XV Obshherossijskogo foruma liderov strategicheskogo planirovanija, Sankt-Peterburg, 24–25 oktjabrja 2016 g.* [Strategic planning in regions and cities of Russia: dialogue in search of coherence. Materials of XV All-Russian Forum of Strategic Planning Leaders. St. Petersburg, October 24-25, 2016]. S.-Petersburg, Mezhdunar. centr soc.-jekon. issledovanij «Leont'evskij centr» Publ., 2017. 88 p.

31. Zhikharevich B.S., ed. *Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii: prostranstvo*

vybora i vybor prostranstva. Doklady uchastnikov XIV obshherossijskogo Forumy liderov strategicheskogo planirovanija. Sankt-Peterburg, 19–20 oktjabrja 2015 g. [Strategic planning in the regions and cities of Russia: the space of choice and choice of space. Reports of the participants of XIV All-Russian Forum of Strategic Planning Leaders. St. Petersburg, October 19-20, 2015]. S.-Petersburg, Mezhdunar. centr soc.-jekon. issledovanij «Leont'evskij centr» Publ., 2016. 104 p.

32. *Strategija razvitija Krasnodarskogo kraja. Prezentacija vtorogo jetapa: Strategicheskaja diagnostika i doktrina razvitija* [Development strategy of the Krasnodar Region. Presentation of the second stage: Strategic Diagnosis and Development Doctrine]. Krasnodar, S.-Petersburg, Consortium Leontief Centre – AV Group Publ., 2017. 81 p.

33. *Struktura proizvodstva valovogo regional'nogo produkta* [Structure of gross regional product production]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/be490a0044b22ee8b536bfde4cdebd4/Структура_БПИ_070318.htm.

34. Acemoglu D., Robinson J. Political Losers as a Barrier to Economic Development. *American Economic Review*, 2000, vol. 90, no. 2, pp. 126-130.

35. *AV Strategy. Sozdanie sistemy upravlenija budushhim – AV Region Galaxy Model* [AV Strategy. Creating a future management system – AV Region Galaxy Model]. URL: <http://av-group.ru/av-strategy>.

36. *Europe-2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth*. Brussels, European Commission Publ., 2010. 37 p. URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20%20EN%20version.pdf/>.

37. Glaeser E., La Porta L., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*, 2004, vol. 9, no. 3, pp. 271-303.

38. King R.G., Rebelo S. *Public policy and economic growth: Developing neoclassical implications. Working Paper No. 3338*. Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research Publ., 1990. 49 p.

STRATEGIC PLANNING OF THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION: SCIENTIFIC SUBSTANTIATION AND UPDATING OF A MODEL

Oleg Vasilyevich Inshakov

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Scientist of the RF,
Director of Scientific Research Institute of Social and Economic Development of the Region
at Volgograd State University
president@volsu.ru
Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Within the framework of content analysis of the draft Concept of the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030, the directions for correcting the conceptual foundations of strategic planning for regional development in Russia are substantiated.

Based on the critical comprehension of the results of advanced research on development of methodological bases for regional strategies, systems for assessing regional development, and experience of its strategizing in the progressive regions of Russia, a structured and logical model for the construction of the Volgograd region socio-economic development strategy for the period up to 2030 (SEDS VR-2030), which results from the model of turnover of economic growth conditions in the knowledge economy, was proposed. By means of this model, a gradual decomposition of forming the SEDS VR-2030 with the defying its core and spheres including economic zones, interbranch complexes, industries, clusters and firms was carried out.

This allows to get a better idea of the reserves and limits of the growth factors, their current status and availability in the markets, their inflow and outflow, the logic and imbalances in their interaction. All this should be reflected in the documentary and practical implementation of the SEDS VR-2030, ensuring its relevance and consistency.

Key words: strategizing, strategic planning, strategy, spatial development, social and economic development of a region, spatial and factorial model of a strategy.